ТРИ БРАТА

ХАНТЫЙСКАЯ СКАЗКА

Жили три брата: Кон-ики, Яхун-ики и Асьики. Однажды они ночевали в тайге и решили завтрак сварить. Это было осенью, когда земля и вода уже на метр в глубину замерзли. Утром стали костер разводить, таган втыкают в землю, а она замерзла. Яхун-ики говорит:

— Вы что, не знаете, как надо делать? Я сейчас воткну таган.

Те два брата замечают, что у него всякие звери есть, которые его слушаются. Он в пасть змеи т[illegible] воткнул, а бр[illegible] этого не видно. Котел подвесил, а варить нечего, вода водой. Тогда Асьики говорит:

— Давайте снегу намешаем, а я помешаю — и каша получится.

Смотрят — и правда каша получилась.

Стали меряться, у кого силы больше. Ась-ики встал на лезвие ножа и говорит:

— Все семь земель насквозь просматриваю и у матери в доме все насквозь вижу.

Яхун-ики тоже встал на лезвие ножа и говорит:

— Семь небес насквозь просматриваю и у отца в доме все вижу.

Теперь очередь Кон-ики наступила. Он говорит:

— Я ничего повашему не знаю, у меня только такое дело может быть: всю страну обойду так быстро, пока берестяная плетка в огне сгорит.

Братья не верят. Тогда Кон-ики говорит Ась-ики:

— Давай я тебя к лошади привяжу, а Яхун-ики будет пленку в огонь класть.

Привязал Кон-ики к лошади Асьики и, как пуля, полетел. Третий брат бересту бросил, а их уже нет. Тут же Ась-ики чуть живой с лошади сходит, его расспрашивают, а он почти не дышит. Потом говорит:

— Я бы такой скорости не вытерпел ни за что.

На этом и кончили братья свой спор. Убедились, что самый сильный — Кон-ики.

Рассказал П. Т. КАЮКОВ, (р. Юган).
Записала Н. В. ЛУКИНА (Томский госуниверситет).

Н. ОСЛАПОВСКИХ

Сорок первый

Сорок первый, сорок первый —
Словно эхо издалека.
Сорок первый, сорок первый —
Скорби голос одинокий.
Сорок первый, сорок первый —
Звон колосьев, запах хлеба.
Сорок первый, сорок первый —
Самолетный строй в лазурь.
Сорок первый, сорок первый —
Сладкий клевер, дикий клей.
Сорок первый, сорок первый —
Зло жужжат литые пули.
Сорок первый, сорок первый —
Обелиски встали рядом.
Слава павшим в сорок первом
За победу в сорок пятом!

В. ПАНОВ.

СЛУЧАЙ С БРАКОДЕЛОМ

Уж зимний вечер город
мгвой одел.
А за столом в лучах
электросвета
Опроверженье пишет
бракодел
В его критиковавшую
газету.
Он пишет, что в газете
все не так,
Что сам он объективен,
но однако...
Где автор фельетона
видел брак,
Коль он в строительстве
не съел еще собак?
«Нет, мы дома возводим
на века:
Я не согласен, жалобу
напишем,
И я дойду до самого ЦеКа,
А если нужно,
то пойду и выше!

Сам автор клеветник и плут:
Не смог, как нужно,
в деле разобраться.
Я в суд подам —
и автору дадут
По меньшей мере...
этак лет пятнадцать».
Он возмущен, он полон
жажды мщенья.
И для него лишь правда
дорога.
Должна газета дать
опроверженье.
«Я факты все опроверга-а-а...»
Свое посланье
дописать не смог:
Над ним вдруг кресла
заскрипела,
Прихлопнул бракодела
потолок;
Сработанный руками
бракодела.

ГОСТЕПРИИМСТВО

— Соседушка, мой друг,
еще отведай, милый!—
Так потчевал Иван
приятеля Луку.
—Спасибо, друг,
я больше не могу:
И так последнюю я выпил
через силу!
— Да полноте, дружок, ну,
выпьем по единой!
Откажешься — поверь,
обиды не снесу:
Ты ж абсолютно трезв, ну,
ни в одном глазу.
И рюмка для тебя,
что мамонту дробина!
Вот хорошо! Давай еще одну!
Не хочешь за меня,
так выпей за жену.
Теперь пора, дружок,
нам пригубить за дружбу.
Ты друг мне или нет?
Коль друг, так выпить нужно.
Все ж доконал беднягу
искуситель:
Лука ушел от друга
сам на свой,
Свалился в темноте
в канаву головой
И угодил в итоге
в вытрезвитель.
Мне скажут: «Есть сюжет
подобный у Крылова».
Согласен я вполне:
история не новая!
Но все ж замечу вам:
Демьянова уха
В сравнении с таким
гостеприимством —
чепуха!

Н. СОЧИХИН.

ВЕРТОЛЕТЧИКАМ

У нас содружество. У нас
Одна огромная работа.
Над тром-агинскими
болотами
Легли маршруты наших трасс.
У каждого своя мечта.
Своя судьба. Свои седины.
Пипотов тянет высота,
А нас, буровиков, глубины.

• • •

Я не зря сейчас припомнил
Те далекие деньки,
Когда мы на сжатом поле
Собирали колоски.
Шаг за шагом, без оплошки,
Наклонясь сто раз на дню,
Свои детские ладошки
Обжигая о стерню.
Давний, памятный урок...
И теперь, стихи слагая,
Больно сердце обжигаю
О стерню горячих строк.

О. БРОВКИНА

• • •

Меня умывают дожди,
Меня закаляют морозы.
Мне солнце дарит тепло,
И нежность свою —
березы.
Мне все дела по плечу,
И пока не ведала бед я,
Как свободно и как легко
В двадцать лет шагать
по планете.

• • •

Сколько разных людей
На земле и дорог!
Как среди них
разобраться,
Чтоб, переступив
Последний порог,
Вдруг лишним
не оказаться!
В море, в пустыне,
в тайге
Находят дорогу
по звездам.
А в жизни ее искать
По каким приметам
и верстам?
Идите по той, что с ямами.
С буграми, с рекой,
что не вброд,
Идите туда, куда совесть,
Душа и сердце зовут!!!

• • •

И выпал снег, пушистый,
белый.
Сегодня он посыпал днем.
И стали чище и светлее
Дороги, улицы кругом.
А он все падал,
падал, падая
На землю, словно
в душу мне.
И становилось веселее,
Светлее, чище на душе!
Я шла веселая, смельная
От этой белизны вокруг.
И знала: в жизни
все сумею!
И счастье стало близким
вдруг.

Б. БОРОВИНСКИЙ

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Борис Боровинский — учитель, живет и работает в поселке Лямино. В его первом рассказе, который мы предлагаем вниманию читателей, немало автобиографических моментов.

Странной показалась ему эта деревушка на обрывистом песчаном берегу таежной речки: ни улиц, ни огородов, ни заборов. И дома пустые. И великое множество собак. А у людей — непривычная русскому глазу одежда и раскосые глаза.

Несколько дней добирался он сюда на мотолодке. В ушах до сих пор, словно надоедливое комариное гудение, шум мотора. И вот он стоит с чемоданчиком на берегу. Потом начинает за руку здороваться с каждым мужчиной в отдельности, а женщины в это время, прикрыв лица платками, тихонько переговариваются в стороне.

— Питя! Питя! — отвечают ему.

Наконец, он поднимается по узкой тропинке на яр и видит... кладбище. То, что это было именно кладбище, он понял почему-то сразу. Хотя лежали на земле рядами узкие и плоские деревянные ящики, не них—легкие сани и маленькие остроносые лодочки.

Это потом он узнает, что называются сани нартами, а лодки—обласами. И научится управлять ими не хуже любого жителя деревушки.

Это потом он узнает, почему ящики перевернуты вверх дном: под ними ханты кладут всевозможную утварь, соблюдая старинный обычай захоронения умерших.

Узнает, что дома пустуют большую часть года от того, что ханты — охотники и рыбаки—почти всю жизнь проводят в тайге.

Многое в таежной деревушке покажется ему вначале странным.

...Я прилетел в поселок на вертолете за несколько минут. Как только устало замерли лопасти винта, стало слышно, как невдалеке ожесточенно скрежещет трактор. Мне не пришлось подниматься по узкой тропинке на яр: вертолет приземлился на берегу. И старое кладбище не пришлось долго искать. Сердце мое вздрогнуло и забилось, когда я увидел крест, один-разъединственный. Вот мы и встретились, отец! Через такое долгое детство.

... — Вовка, а что за дядя приходит за тобой в садик? —спросил я однажды у соседского мальчика.

— Это не дядя, а папа! — наставительно отчеканил Вовка.

— У меня... папы нет. А у всех маленьких... он есть! — догадался я. И, получив утвердительный ответ, горько расплакался. Так в мою жизнь вошли отец и мечта встретить увидеть, обнять его.

— Вот папа мой велик сразу бы починил!

Мать посмотрела на меня долго-долго:

— Конечно, сынок. Только папа твой умер, когда ты еще и не родился.—И вдруг с непонятной резкостью и обидой закончила: — Он не хотел с нами жить. Он любил только свою работу. Ему надо было учительствовать в глухой деревне.

«Умер... «Любил работу»... «Был учителем»... Эти скупые сведения об отце раскаленными угольками жгли мое маленькое сердце. Значит, отец умер потому, что любил свою работу учителя? Я никак не мог совместить такие разные понятия: работа и смерть, смерть и любовь.

Тогда, чтобы понять, я твердо решил: буду учителем, разгадаю отцовскую тайну. Если бы ты знал, отец, сколько слов — то жестоко ранящих, то беспомощно нежных, —наговорили мне мать, когда узнала о моем решении. От нее же я услышал историю вашей размолвки.

— Наташа, ты меня любишь?—отец осторожно привлек мать к себе. Она насторожилась: уже знала, что

Вечером, безусловно пытаясь починить свой велосипед, я выпалил матери:

— Знаешь, Наташа, меня пресят поработать в таежной деревушке, где живут только рыбаки и охотники. Там нет ни больницы, ни кино, ни парикмахерской. Я уже дал согласие: не мог отказаться. Такая моя работа. Ты тоже поедешь. Ведь ты меня любишь?

Но мать отвела в сторону глаза и отстранилась от него.

— Разве я жена декабриста?

...Письма приходили редко: подводила почта оленья. Иногда почтальон приносил целую пачку писем. Отец много писал о жизни и обычаях ханты, о школе, о детях.

«Какие любознательные дети, и добрые, ласковые. Особенно один мальчик, Еремей. Вот он пишет: «Укуси сапаки». Это значит — что бы ты думала? — «у Кузи собаки». Смешно! А мне нет. Все же я научу их грамотно читать, писать, считать».

И последнее письмо с почтовым штемпелем: «Адресат выбыл». Мать сообщает: «У нас родился сын. Может, хоть сейчас ты бросишь свою деревню!».

(Окончание на 4-й стр.).